

«Mały atlas gwar polskich». — Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, I—III, Wrocław—Kraków, 1957—1960; IV—XIII, Wrocław—Warszawa—Kraków, 1961—1970.

«Mały atlas gwar polskich» (MAGP) — труд большой важности не только для польской науки, но и для славистики вообще, для теории и практики общей лингвостранграфии. Первый проект общепольского лингвистического атласа возник в 1939 г.¹ План его представили М. Малецкий и К. Нич — составители первого в Польше регионального атласа². Предполагалось, что в его сетку войдет 600 населенных пунктов, а вопросник его будет иметь свыше 2000 вопросов. Однако вторая мировая война не дала возможности начать даже подготовительные работы. В 1950 г. снова ставится вопрос об атласе польских говоров, но уже с более реальным учетом конкретных возможностей его подготовки. Было решено начать работу над MAGP с сеткой из 100 населенных пунктов и вопросником из 600 вопросов.

Инициатором и вдохновителем работ по MAGP был акад. К. Нич, под руководством которого были созданы первые два тома. После его смерти (1958) подготовкой всех последующих томов руководил М. Карась. В процессе работы общая теория MAGP была значительно углублена.

Общее руководство осуществлял редакционный комитет в составе К. Нича, В. Дорошевского, В. Курашкевича, З. Штибера, С. Урбанчика — т.т. I—II, а начиная с третьего тома и до конца — в составе З. Штибера, К. Дейны, В. Дорошевского, М. Карася, З. Клеменевича, В. Курашкевича и С. Урбанчика.

Все тома MAGP, кроме последнего, тринадцатого, состоят из двух частей. Первую часть каждого тома составляют 50 (в т. XII — 51) карт, вторую часть — введение к тому, список источников, список карт тома, комментарии к картам, индекс скартографированных слов, формантов и т. п. Во второй части первого тома, кроме того, дано общее введение ко всему атласу, где изложена история его создания, основные принципы и общий план (автор К. Нич), характеристика каждого в отдельности населенного пункта, включенного в сетку, и характеристика информаторов, список лиц, собиравших материалы, вопросник и список сокращений названий уездов. В тринадцатом томе даны подытоживающие замечания о работе над MAGP (автор М. Карась), указания об использовании материалов, собранных по вопроснику, при составлении карт, список карт всего атласа, индекс

всех скартографированных слов, индекс словообразовательных формантов, флексий, фонетических и других явлений, которые представлены в атласе, общий список источников, дополнения и поправки к тт. I—XII, список основных и дополнительных населенных пунктов сетки атласа, список рисунков и таблиц.

Вопросник MAGP (автор З. Штибер) состоит из 601 вопроса; многие вопросы содержат две и более частей или подвопросов. Составлен вопросник с учетом имевшихся сведений о говорах польского языка. Около трех четвертей вопросов посвящены лексике (в том числе и 53 по семантике отдельных слов) и приблизительно четверть вопросов — фонетике, морфологии и частично словообразованию. Синтаксис и фразеология вопросником не охвачены. Лексические вопросы составляют тематические группы: дом, хозяйственные постройки и их части, гужевой транспорт, сельскохозяйственные орудия, жернова и мельница, посуда, одежда, анатомические названия, фауна, флора, метеорология, топографические названия и т. п. Это позволяет производить опрос в виде тематических бесед.

По замыслу MAGP должен способствовать решению многих вопросов, касающихся развития польского языка, в том числе и вопроса о роли разных диалектов в формировании литературного языка. В связи с этим вопросником охватывались только такие противопоставленные явления, географическая проекция которых существенна в этом отношении. В вопросник не включались также вопросы о реалиях, названиям которых посвящены монографические описания, снабженные картами — таких, как *wilga*, *nietoperz*, *przycieś*, *krokwie*, *banty*, *kalenica*, *boisko* или *klepisko*, *śsieć* или *zapole*, *sierdzień* или *sworzeń* (часть воза), *gryka*, *chaber* (*Centaurea cyanus* L.), *sokora* (*Populus nigra* L., *Populus alba* L.), *jegla* (*Picea excelsa* L.)³. В то же время в MAGP имеются карты на слова *kogut* (№ 438) и *kierownik* (часть воза) (№ 27), которые уточняют прежние сведения.

MAGP фиксирует состояние польских говоров в период между 1930 и 1955 гг. Материалы для MAGP собирались в течение 1951—1954 гг. Использовались также материалы регионального атласа Польского Подкарпатья, монографии З. Штибера и других работ. В каждом населенном пункте материал записывался от 1—5, а иногда и больше информаторов. Велось наблюдение над языком и других коренных жителей. Это отступление от требования Ж. Жильберона о записи от

¹ «Sprawozdania z czynności i posiedzeń Polskiej Akademii Umiejtności za styczeń-czerwiec 1939 r.», Kraków, 1945.

² M. Małeck i, K. Nitsch, *Atlas językowy Polskiego Podkarpacia*, Kraków, 1934.

³ См. в кн.: K. Nitsch, *Wybór pism polonistycznych*, II, Wrocław — Kraków, 1955.

одного информатора в каждом пункте сетки атласа, безусловно, оправдано, оно дает возможность получить более объективную картину о состоянии обследуемого говора. Вся собирательская работа выполнялась хорошо подготовленными специалистами (в количестве 63 человек). Преобладающее большинство материалов собрано известными польскими диалектологами. 22 собирателя произвели заполнение вопросника в своих родных селах. Все это обеспечило обстоятельность, полноту и высокую точность материалов MAGP.

В MAGP оригинально решается вопрос о сетке опорных пунктов. Здесь сетка состоит из пунктов двух категорий — основных и дополнительных. Основных пунктов 116, в их число входит 1 пункт с территории ляшских говоров и 7 пунктов с украинских, белорусских и литовских территорий. В состав дополнительных входят 69 населенных пунктов и 34 пункта атласа М. Малецкого и К. Нича Польского Подкарпатья⁴, а также 41 пункт монографии З. Штибера *«Izoglosy gwarowe na obszarze dawnych województw łęczyńskiego i sieradzkiego»* (Kraków, 1933). В число дополнительных пунктов сетки входят и так называемые «разные», материалы по которым взяты из словаря Я. Карловича *«Słownik gwar polskich»* (I—VI, Kraków, 1900—1911) и других печатных работ, а также из рукописных источников, имеющих в Кабинете Атласа и Словаря польских говоров Института языкознания Польской АН в Кракове. При составлении сетки MAGP учтена специфика окраинных говоров. В сетку включено известное количество сел со смешанным (теперь или в прошлом) польско-украинским, польско-белорусским населением, а также украинских в прошлом сел, где в быту пользуются еще украинским языком. Учтена и специфика говоров южных и крайних северных районов современной Польши. В нововозвращенных Польше западных и северных районах материалы вообще не собирались ввиду смешанного характера говоров. На картах MAGP в целом используются материалы примерно из 300 населенных пунктов. Материалы основных пунктов представлены на всех картах атласа, а материалы дополнительных пунктов — на отдельных картах в том случае, если в них содержатся какие-либо новые данные о картографируемых явлениях. Благодаря такому использованию материала дополнительных населенных пунктов сетка MAGP изменяема, подвижна, она при надобности в той или другой части ареала может быть уплотнена. Тем самым удачно

решается одна из трудных задач теоретической лингвостатистики — как при сравнительно редкой сетке избежать пропусков вариантов (в том числе и переходных).

По первоначальному замыслу основная лингвистическая ориентация MAGP может быть определена как преимущественно лексическо-историческая. Этому замыслу соответствовал и состав вопросника: главная его лексическая часть касалась преимущественно понятий традиционной материальной культуры, а вопросы по фонетике и морфологии — таких давних явлений, которые впоследствии подверглись лексикализации (т. XIII, стр. XIX). В тт. I—III преобладает лексика: из 150 карт здесь 104 лексических, 25 фонетико-лексических и только 24 фонетических и одна фонетико-морфологическая. С 1959 г. на первый план выдвигается изучение системных явлений современных польских говоров. Начиная с т. IV центральное место в атласе занимают проблемы фонетики и грамматики. Правда, из-за лексического характера вопросника на преобладающем большинстве карт фонетические явления представлены на материале одного, редко двух и только иногда трех и более контрольных слов. Лексический раздел атласа при таком изменении его ориентации не пострадал, так как на этих же фонетических картах при помощи определенных графических средств отражается и лексика. Тем самым содержание атласа стало богаче — из имеющихся материалов извлечена максимальная информация. В сводных картах обобщаются представленные в атласе вопросы вокализма и консонантизма, даются лексические ареалы. Отметим, что в атласе хотелось бы видеть и карты основного современного ареального членения говоров польского языка.

Карты отдельных языковых явлений в MAGP располагаются, в основном, тематически. Так, на картах 1—9 представлены названия жилого дома и его частей, на картах 10—18 — названия плуга и его частей, на картах 19—38 — названия воза и его частей, карты 256—322 посвящены носовым гласным и явлениям, с ними связанным, и т. д. Всего в атласе 601 карта, в том числе 575 карт языковых явлений и 26 сводных карт. Преобладают лексические карты.

Во многом оригинальна в MAGP техника картографирования. Здесь применяются буквально все известные графические средства лингвистического картографирования — картографические знаки (одноцветные или разных цветов), изоглоссы, цветные плоскости, разные штриховки, транскрибированные написания. Это позволяет оценить полиграфическую базу атласа. Знаки используются системно: основные противопоставления (например, названия разных корней на лексических картах) передаются при помощи цветов

⁴ М. Ма́лєцкi, К. Нітсч, *Atlas językowy polskiego Podkarpacia*, 2 украинские, 2 словацкие и 1 чешский пункт сетки этого регионального атласа в сетку MAGP не вошли.

(гамма которых доходит до 9), второстепенные — разными фигурами одного и того же цвета, третьестепенные — разными заполнениями этих фигур и т. п. Параллельно встречающиеся в одних и тех же населенных пунктах явления обозначаются двумя, тремя и т. д. знаками (причем реже употребляемое явление фиксируется меньшим знаком). Имеется специальный знак для обозначения отсутствия названия при наличии понятия, знак для отсутствующего понятия, знак для исчезающего явления, знак известного, но не употребляемого слова, знак отсылки к комментарию и пр. Таким образом, система сигнализации противопоставленных явлений на картах МАГР довольно сложная, но в то же время и гибкая.

Обычно применяются комбинации нескольких картографических средств. Это дает возможность на одной карте представить географические проекции различий нескольких разных в структурном отношении, но тесно между собой связанных языковых явлений, различия разных языковых уровней. В МАГР почти третья часть всех карт является многоплановой; среди них наибольшее количество фонетико-лексических, где на вариантах определенного слова изучается какое-то фонетическое явление и здесь же при помощи других картографических средств представлены синонимы этого слова. Карту же, например, 182 можно определить как фонетико-семантико-словообразовательную — здесь представлены фонетические и словообразовательные варианты слова *radło* с обозначением их лексических значений. Изоглоссы в рецензируемом атласе широко используются для обозначения ареалов отдельных явлений или их вариантов, картографированных другими графическими средствами (чаще всего знаками), что значительно повышает выразительность карт. Таким образом, по сравнению с другими опубликованными атласами, в частности славянскими, МАГР вносит много нового в технику лингвистического картографирования.

Следует особо остановиться на жильероновском типе карт с транскрибированными написаниями. Редакторы МАГР во вступительной части справедливо утверждают, что такие карты невыразительны, что это лишь разложенный на географической карте сырой материал, который читатель должен сам обобщить в определенные группы (т. I, ч. 2, стр. XIV). Несмотря на это, такой прием картографирования в рецензируемом атласе все же не игнорируется. Правда, таких карт в МАГР немного, всего 7 (11, 43, 45, 47, 111, 137, 506). Применяется такой способ картографирования только в тех случаях, когда факты так бесспорно и однозначно разбросаны и одновременно так мелко дифференцируются, что нет возможности объединить

их в какое-то географическое целое (т. I, ч. 2, стр. XIV). При этом найдены эффективные способы улучшения жильероновского метода. Для повышения выразительности таких карт в МАГР, во-первых, использовано предложенное в 1949 г. М. Д. Мальцевым и Ф. П. Филиным⁵ применение разноцветных написаний (варианты разных корней и т. п. надписываются разными цветами); во-вторых, метод написаний (одним цветом и разными цветами) скомбинирован с разноцветными плоскостями и изоглоссами (одноцветными и разных цветов). В таком модернизированном виде этот старый способ картографирования, как кажется, дал хороший результат и от него при лингвистическом картографировании вообще не следует отказываться⁶, так как он позволяет избежать иногда чрезмерных обобщений многих вариантов противопоставляемых явлений в одном картографическом знаке (знаках), что часто затрудняет чтение карты, хотя и повышает ее выразительность. Оригинальной является карта 506, на которой написаниями картографированы названия жителей, образованных от названий сел, которые входят в сетку МАГР, типа *čitaradočany* (от *Witardów*), *grapočukoŭaŭe* (от *Grapočka*), *majdane*

(от *Majdan*), *bańkoŭje*с, мн. ч. *bańkoŭce* (от *Bańki*), *włudaŭaki* (от *Włodawa*), *hut' ŋak* (от *Stara Huta*) и т. п. (трудно себе представить, как можно было бы такую карту составить при помощи других картографических средств — ведь в каждом населенном пункте употребляется свое название). При помощи изоглоссы на этой карте обозначено распространение суффиксов *-an*, *-an*, *-ec* в картографированных названиях. Здесь следовало бы дать и изоглоссу суффикса *-ak* (который в таких названиях широко распространен в центральных и северных районах Польши и довольно часто встречается в польском литературном языке, ср. *warszawiak*, *warszawianka*, *krakowiak* «житель Кракова», *Krakowiak* «житель Краковщины, Краковского воеводства» и пр.), а также изоглоссы суффиксов *-ok*, *-oŭk* (юго-западные районы Польши). Этот метод с успехом можно использовать и при составлении топонимических, в том числе и гидронимических, карт и атласов.

Комментарии, помогающие правильно

⁵ См.: М. Д. Мальцев, Ф. П. Филин, Лингвистический атлас района озера Селигер, М.—Л., 1949, карты 4—8, 19, 32, 35—37.

⁶ Карт с транскрибированными написаниями, как известно, нет в «Атласе русских народных говоров к востоку от Москвы» (М., 1958), в белорусском (Минск, 1963) и болгарском (т. I, II, София, 1964, 1966) атласах. Нет таких карт и в украинском атласе (первый том в печати).

и более обстоятельно понимать карты, состоят, как правило, из двух частей: из частных замечаний и из общих замечаний. В разделе частных замечаний указываются: варианты, объединенные одними картографическими знаками; варианты, которые по тем или другим причинам не отмечены картографическими знаками на карте или отведены от картографирования; замечания о семантических оттенках картографированных слов, об употреблении картографированных слов определенными возрастными, социальными и другими слоями населения, об употреблении этих слов только во фразеологических оборотах, о локальных этнографических особенностях предметов материальной культуры и пр. Общие замечания касаются преимущественно распространения картографированных явлений. Замечания эти, не будучи интерпретациями (от которых составители MAGP вообще воздерживаются), лишь обобщают представленный материал, чтобы облегчить чтение карт. В ряде случаев общие замечания даются к нескольким тематически связанным картам сразу, после чего идут комментарии к каждой карте в отдельности. В части комментариев в качестве вспомогательных сведений помещаются дополнительные лингвистические карты-таблицы всей территории Польши или какой-то ее части. Нередко обращается внимание на связь картографированных явлений с историей культуры.

В комментариях по возможности даются сведения об этнографических особенностях предметов материальной культуры, названия которых картографируются, схематические рисунки, сведения об этнографическом распространении предметов. Поэтому лексический раздел MAGP представляет интерес и для этнографа, и для исследователя истории материальной культуры.

Обстоятельное изучение в лингвогеографическом аспекте лексико-семантической системы говоров может осуществляться на материалах перекрещивающихся вопросов — от понятия к слову и от слова к понятию (значению). В MAGP такие спаренные карты есть (например, карта 122 посвящена названиям лопаты, а карта 121 — семантике слова *łopata*; тема карты 124 — «*opałka*, *wygarz i znaczenie*», а карты 125 — «*opałka pleciona i synonimy*», карты 126 — «*torba do karmienia koni*»; ср. еще карты 132, 133 и нек. др.), но, к сожалению, их мало, что обусловлено составом вопросника.

Сравнительно с другими опубликованными славянскими атласами процент семантических карт в MAGP самый высокий. Анализ этих карт показывает, что в большинстве случаев в их легендах первыми даются исходные или наиболее древние для картографированной территории значения изучаемых слов. Это вытекает из принятого в атласе принципа

системности обозначения противопоставляемых явлений. Однако эта общая установка не всегда четко соблюдается. Например, для *chyż*, *chyża* (карта 2) первым в легенде лучше было бы дать значение «*dom mieszkalny*» (оно, как свидетельствует этимология, наиболее давнее и на изучаемой территории имеет, пожалуй, наибольшее распространение); для *koryto* (карта 69) более логично было бы первым дать значение «*koryto do rojenia*», а не «*żłób*» и соответственно для *bagno* (карта 518) — «*trzęsawisko, topielisko*», а не «*roslina Ledum palustre L.*», для *siwy* (карта 533) — «*szary*», «*popielaty*», «*siwy*, o włosach sierści», а не «*niebieski*» и т. п.

Материалы MAGP сразу же после выхода его первого тома начали широко использоваться в самых разнообразных исследованиях по польскому и славянскому языкознанию. Это и понятно, ибо содержащиеся в картах и комментариях богатейшие сведения дают много ценных данных для изучения ряда важных проблем, в частности таких, как проблемы отношения разных диалектных групп к польскому литературному языку, диалектной основы современного польского литературного языка, междиалектных контактов, генезиса отдельных диалектных групп, классификации польских говоров, воздействия на польские говоры говоров соседних языков и пр. Материалы атласа красноречиво свидетельствуют, например, о главенствующей роли в процессе формирования современного польского литературного языка великопольских и малопольских говоров, но вместе с тем атлас указывает на важную роль в этом процессе и мазовецких говоров.

MAGP содержит много ценного материала о связях и результатах влияния на польские говоры украинского, белорусского, словацкого, чешского, немецкого, литовского языков. Например, атлас свидетельствует о значительной близости малопольских говоров к соседним говорам украинского языка в области сельскохозяйственной терминологии; только здесь употребляются *trzósłó* «плужный нож» (карта 12), ср. укр. *чепесло* «то же»; *blacha*, *blaszka* «отвал плуга» (карта 14), ср. укр. диалектн. *бл'аха* «то же»; *capigi*, *czapigi*, *czepigi* «рукоятки, обжи плуга» (карта 16), ср. укр. *ченігу*, диалектн. ед. ч. *ч'е^ннуга*, *ч'ен'уга* и др. «то же»⁷; *istyk*, *styk*, *hystyk*, «чистик», палочка с наконечником для очистки земли с плуга» (карта 18), ср. укр. *істник*, диал. *істник*, *гістник* и др. «то же» и т. п. Большое количество польско-украинско-белорусских, польско-украинских и польско-белорусских изоглосс разного происхождения MAGP фикс-

⁷ См.: Й. О. Дзєндзелівський, Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР, ч. II, Ужгород, 1960, карта 182.

⁸ Там же, карта 181.

сирует в говорах восточных районов Польши (см. хотя бы сводные карты 597, 598).

В MAGP с максимальной полнотой использована литература по говорам польского языка. Помещенный в т. XIII общий список источников представляет собой хорошую библиографию предмета. MAGP является своего рода энциклопедией по различным вопросам польской диалектологии.

Само название MAGP предполагает последующее создание большого атласа говоров польского языка. И действительно, первоначально был замысел подготовить атлас с сеткой в 1000 населенных пунктов и вопросником из 2000 вопросов. Но впоследствии польские диалектологи отказались от этой идеи в пользу создания региональных атласов (подобно тому, как это делают французские, а в последнее время и румынские коллеги). Используя богатый опыт по созданию MAGP и учитывая практику зарубежной диалектологии, польские диалектологи в последнее время широким фронтом развернули также углубленные лингвогеографические изыскания. К настоящему времени уже значительная часть Польши охвачена региональными атласами⁹. MAGP спо-

собствовал расширению и повышению теоретического и научного уровня диалектологических монографических исследований, которые в Польше обычно сопровождаются картами и атласами¹⁰.

В заключение следует отметить высокую технику полиграфического изготовления карт MAGP, что для такого труда, как лингвистический атлас, очень важно.

MAGP представляет собою капитальное исследование говоров польского языка. Польские диалектологи сказали новое слово в теории и практике диалектологии, их опыт во многом поучителен. MAGP войдет в золотой фонд полонистики и славистики вообще.

И. А. Дзедзельский

VIII, Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1971; Z. S o b i e r a j s k i, Atlas polskich graw spiskich, I—II, Poznań, 1966—1970; A. Z a r e b a, Atlas językowy Śląska, I, Kraków, 1969; H. H o r o d y s k a G a d k o w s k a, A. S t r z y ż e w s k a - Z a r e m b a, Atlas graw mazowieckich, I, Wrocław — Kraków, 1971, и др.

¹⁰ См.: W. P o m i a n o w s k a, Klasyfikacja rzeczowników odrzeczownikowych. Studium ze słownictwa i geografii lingwistycznej, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1963; J. B a s a r a, Terminologia budownictwa wiejskiego w dialektach polskich, I—II, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1964; W. K u p i s z e w s k i, Słownictwo meteorologiczne w gwarach i historii języka polskiego, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1969; 10 томов серии «Słownictwo Warmii i Mazur», Wrocław — Warszawa — Kraków, 1958—1963, и др.

⁹ См.: M. M a ł e c k i, K. N i t s c h, Atlas językowy Polskiego Podkarpacia; K. D e j n a, Polsko-laskie pogranicze językowe na terenie Polski, I—II, Łódź, 1951—1953; его же, Atlas językowy województwa kieleckiego, I—VI, Łódź, 1962—1968; «Atlas językowy Kaszubszczyzny i dialektów sąsiednich», I—VII, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1964 — 1970;

Б. Н. Головин. Язык и статистика. — М., изд-во «Просвещение», 1971. 191 стр.

Развитие и распространение логико-математического моделирования языка и статистики речи привело не к единству математического языкознания, а, напротив, к разному определению статуса этой науки. С одной стороны, такие исследователи, как А. В. Гладкий и С. Маркус, определяют ее как лингвоматематику, т. е. как ответвление математической логики и абстрактной алгебры. С другой стороны, ее определяют именно как металингвистику, т. е. как некое объединение некоторых математических приемов и некоторых лингвистических идей.

Однако и в этом случае полного единства достичь не удалось, и не только потому, что различается моделирование языка и статистика речи, но и потому, что самое соединение математики и лингвистики понимается различно. Одни иссле-

дователи, например, С. К. Шаумян, настаивают на соединении математических идей и методик с идеями и приемами структурального и семиотического языкознания. Другие исследователи, например Р. Г. Пиотровский, работают в области соединения математических идей и методик с теорией информации и задачами автоматического перевода и инженерной лингвистики.

Наконец, третьи исследователи говорят об использовании для нужд обычного (традиционного) языкознания простейших приемов моделирования, формализации и статистики. Такую позицию, в частности, отстаивает Б. Н. Головин. Он пишет: «Можно думать, что преподаватели-филологи высших учебных заведений нуждаются сейчас не в математизации своего языка и своих научных представлений, а в доброй помощи математической науки.